

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Дом, где исполняются мечты
Далекий мой, единственный
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Два шага до любви
Двое на краю света
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Свидание вслепую
Чудо купальской ночи
Влюбиться в жертву
Больше, чем страсть
Красота по-русски
Любовь со вкусом вишни
Тот, кто назначен судьбой
Девушка из нежной стали

Татьяна
Алюшина

Моя нечаянная
радость

Роман

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59   **Моя нечаянная радость: роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.**

ISBN 978-5-04-110521-1

В двадцать лет Майя влюбилась. Все шло своим чередом — свидания, предложение руки и сердца, предсвадебные хлопоты... Было заказано чудесное платье, но чем ближе к свадьбе, тем больше нервничала девушка, уже переставшая понимать, что, собственно, она нашла в женихе. Майя сбежала буквально из-под венца. А через пять лет история повторилась, и еще через несколько лет — снова то же. Пытаясь разобраться, что же с ней не так и откуда взялся синдром сбежавшей невесты, девушка отправилась в паломничество в Пустошь. Там и ждала ее нечаянная радость...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Алюшина Т., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110521-1

...— Родные все говорили, настаивали: сходи к врачу да сходи к врачу, — вздохнула женщина с глубоким, застарелым смирением перед выпавшими страданиями. — А когда ходить-то? Работы много, дел по хозяйству невпроворот, крутишься с утра до ночи. Вот все и откладывала. А как припекло совсем, что и встать с кровати не смогла поутру, тогда уж муж отвез в район на обследование, а там посмотрели и рак поставили...

Майя давно уже перестала вслушиваться в слова и усваивать смысл того, о чем говорила соседка, — смотрела куда-то на берег реки, мимо которого они проплывали, и все кивала, что, мол, слушаю-слушаю и сочувствую, в такт ее речи, прерываемой тяжкими горестными, наполненными безысходностью, вздохами.

Она сочувствовала! Да так, что перехватывало дыхание и щемило сердце.

Всем, с кем свела ее эта непростая дорога. И этой уставшей, замученной колхозной тетке с печальной улыбкой уже принявшего свою страшную участь человека; и той женщине из поезда, что рассказывала про несчастье с сыном, приковавшее

его к инвалидной койке, и другой попутчице с тяжелой болезнью, и той нервной, дерганой интеллигентной даме, которая все выпрашивала ее через каждое предложение своего повествования:

— Как вы думаете, он поможет? — И заглядывала Майе в глаза с такой отчаянной надеждой, что-то высматривая в них, и, видимо, не находя, отводила взгляд, вздыхала расстроено и качала головой: — Вот и я не знаю. Сомневаюсь, — и снова поворачивалась, смотрела на нее, словно себя убеждая в первую очередь. — А говорят, к нему с сомнением и без веры нельзя. Как думаете, правду говорят?

Майя пожимала плечами, прятала глаза от этой отчаянной надежды незнакомого человека и отходила, чтобы тут же столкнуться с кем-то другим, кто принимался рассказывать о своем горе. Почему-то многим хотелось поговорить о своих страданиях, несчастьях и горестях, доверить совершенно постороннему, незнакомому человеку, в силу каких-то своих непростых обстоятельств оказавшемуся среди них, сплоченных единой идеей, целью и надеждой.

Далеко не все кидались с рассказами, конечно, но многие... Люди словно старались высказаться и ждали от нее не только сочувствия, но и хоть какой-то обнадеживающей реплики, оптимистичного заверения или хоть намека на уверенность, что им обязательно помогут и все непременно наладится и станет хорошо, как и прежде.

А она не могла! Не могла ничего им сказать и ободрить никого не могла! Она невероятно мучилась от их откровений, чувствовала себя распоследней самозванкой среди всех этих действительно страждущих людей и даже немного побаива-

лась, что ее разоблачат и прямо вот сейчас скажут, какая она обманщица.

Море, целое море человеческих страданий и горя!

Она сочувствовала им всем! Так горячо и искренне сочувствовала всем собравшимся на этом стареньком катерочке, чапающем вверх по реке через ключья низко стелющегося у воды тумана, что задыхалась не пролитыми слезами этого сочувствия и все пыталась вдохнуть поглубже.

И переживала ужасно свое полное несоответствие этому морю отчаянья и самой последней человеческой надежды!

Она чужая среди этих страждущих исцеления и помощи людей. У Майи все больше и больше крепло такое странное ощущение, словно она по великому благу заняла чье-то дефицитное койко-место в клинике, в которой спасают пациентов от смерти и страшных болезней, чтобы сделать... ну, не знаю что... подтяжку рожи, что ли, увеличение груди какое-нибудь или накачку задницы жиром для пущей сексуальности. Или встала в одну очередь с малоимущими и больными за продуктами первой необходимости, выдаваемыми по карточкам, имея дома холодильник, под завязку забитый дорожными дефицитными деликатесами, и давно ни в чем не нуждаясь по жизни.

И Майка мучилась этим своим несоответствием, слушая этих женщин, и ругала себя распоследними словами за то, что вообще ввязалась в эту авантюру! И какого черта она послушала тетю Вику! Ну зачем, зачем?!

Да и с какой такой она-то проблемой?! Смешно! «Проблема»! Здоровая девка, руки-ноги на месте, голова варит, родные-близкие в порядке, занима-

ется любимым делом! И куда она поперлась?! Когда тут у людей такое!! Такое!!

— ...сказали, третья стадия, опухоль сложная, и никто не берется оперировать, и вряд ли что поможет... — снова вздохнула женщина и улыбнулась своей удивительной улыбкой Мадонны, принимающей любую Божью волю, даже такую страшную. — ...А Шура, муж мой, говорит: будем бороться. Вот прознал про старца святого...

Майя вздохнула, кивнула в очередной раз и сбегала взглядом от этих глаз смиренной праведницы, посмотрев вперед — туда, где на самом носу катера замерла мужская фигура.

Когда они отошли от причала, мужчина неспешно прошел по палубе, осторожно переступая через рюкзаки и сумки, мимо рассеявшихся прямо на палубе людей, которым не хватило места на лавках, и встал на носу, метрах в трех от Майи и ее невольной болезной спутницы. Да так и стоял, засунув руки в карманы джинсов, и смотрел куда-то вперед.

Майя место на лавке занять не успела, да и не спешила особо, если честно, словно хоть таким образом наказывала себя за несоответствие этим людям, собравшимся здесь. Вот и пришлось устраиваться на небольшом пятачке палубы на носу катера, усевшись на дорожную сумку, рядом с женщиной, которая тут же принялась рассказывать о своей болезни.

«Господи! — подумала с тоской, наверное, тысячный раз Майка. — И как я умудрилась во все это ввязаться? Как в другой мир попала. — И далеко не в первый раз за сегодняшний день подумала, глядя в спину мужчины: — Интересно, что же у него-то случилось? Тоже болезнь тяжелая? Не похоже, наверное, беда какая-то».

Мужчину этого она заметила сразу, как только вышла из вагона поезда. Майка помогала вынести вещи какой-то старушке с палочкой, которая не мешала даме тащить необъятный баул на колесах, а рядом из соседнего вагона в то же время мужик помогал выйти другой пожилой женщине и перетаскивал на перрон ее вещи.

Прямо два пионера-тимуровца, ей-богу!

И тут обе эти тетki, еще минуту назад бывшие чуть ли не немощными инвалидками, как сговорившись, подхватив свои драгоценные клунки, тюки и сумищи, шустро засеменяли вперед по перрону, и старушкина палка замелькала быстро-быстро, чуть ли не как орудие боя, а не клюка для поддержки. И Майя с мужчиной понимающе переглянулись и даже заговорщицки усмехнулись столь комичной ситуации, как два тех самых простодушных тимуровца, обжуленные ушлыми мошенницами.

И отчего-то вдруг задержались на пару секунд взглядом друг на друге.

Он был высокий, поджарый, по-спортивному подтянутый, темноволосый, но с седыми висками, добавлявшими его облику некую изысканность, одет в туристические дорогие ботинки, джинсы, белую майку, в спортивную, явно известной фирмы ветровку. И этот загородный стиль одежды «отдых—туризм» очень шел к его облику, к довольно суровому и закрытому выражению лица.

«Какой интересный! Вот с таким, наверное, ничего не страшно! Вообще ничего!» — прострелила неожиданная мысль в голове Майи, поразив ее необычайно.

Но тут выходявший из ее вагона пассажир отодвинул девушку в сторону, задев плечом,

и Майя аж вздохнула, прерывая этот взгляд и как бы прогоняя свою шалопутную, странную мысль, успевшую обдать теплом где-то у сердца.

Задевший ее дядька извинился, она ему улыбнулась отстраненно, кивнула, поправила дамскую сумочку, перекинутую через плечо наискось, повесила на согнутую руку дорожную сумку и, стараясь не смотреть больше в сторону мужчины, вызвавшего такие неожиданные эмоции, поспешила вслед за всеми к зданию вокзала.

На вокзале она немного замешкалась: то туалет посетить после долгой дороги; то выспрашивала, где останавливается нужный автобус. А когда доехала до Речного вокзала, если можно так громко назвать маленький домик с кассой и диспетчерской, рядом белую кирпичную коробку туалета, пару больших пирсов на реке и ряды лавок под навесом для ожидающих пассажиров, то подивилась количеству собравшегося народа.

Как выяснилось, здесь ходили не только каботажные катера, но паром и иногда большие экскурсионные суда. Но эти редко — раз в неделю, иногда два — глубинка России, Сибирь, что вы хотели, хоть край величиной с небольшое европейское государство и со своей интересной историей, чудесными городками, памятниками и уникальными природными ландшафтами красоты сказочной, но все же глубинка.

И вот там-то, на берегу, Майя снова увидела того мужчину из поезда, который ее так заинтриговал, вызвав странные мысли, волнение и тепло в груди. Он стоял особняком от всех на высоком берегу у начала ступенек, ведущих вниз к кассе и пристаням, и смотрел через реку на дальний берег, погрузившись в свои мысли.

Майя встала в очередь в кассу и, пока ждала, все поворачивала невольно голову и посматривала наверх на стоявшего как изваяние мужчину; вот не могла не смотреть, словно ее неодолимо притягивала эта загадочная в своем подчеркнутом одиночестве и отстраненности от мира фигура. Возле него на земле стоял здоровенный рюкзак, явно набитый какими-то вещами под завязку. Ей и эта деталь оказалась страшно любопытной, и Майя все гадала, зачем ему столько вещей и, усмехнувшись невольно, даже двинула теорию, что незнакомец в монастыре поселиться собрался или вообще в монахи определиться насовсем.

Взяв билет, она неспешно прогулялась по берегу туда-обратно, размяться после длинного и уже сильно измотавшего пути. Постояла, обозревая пейзаж, и вздохнула глубоко, с удовольствием втягивая в себя вкусный чистый воздух.

Было совсем раннее утро, солнце уже почти поднялось из-за горизонта, все еще окрашивая мир розово-алыми сполохами нового дня. На противоположном высоком берегу просматривались величавые сосны, верхушки которых еще плескались в этих рассветных, казавшихся на их зеленой хвое алыми переливах, река плескала о берег, стрекотала какая-то звонкая птица, мир просыпался и казался прекрасным. Если бы не людской гомон на берегу, можно было бы подумать о его первозданности и чистоте. Майя почувствовала умиротворенность в душе от этой красоты, с удовольствием постояла еще, вдыхая полной грудью пахнувший рекой воздух, и побрела назад.

Когда она проходила мимо ряда лавок, заполненных людьми, вдруг какая-то женщина окликнула ее:

— Девушка, идите сюда! — и призывно махнула рукой. — Я подвинусь, присаживайтесь.

— Спасибо, я лучше прогуляюсь еще, — поблагодарила Майя.

Садиться она не хотела, отчетливо представляя, что последует за этим радушным предложением. Но женщина настаивала и уже подвинулась, освобождая место рядом.

— Садитесь-садитесь, — похлопала она рукой по лавке рядом с собой. — В ногах правды нет. А если вы в Пустонь едете, то там еще настояться придется, эхе-хе, несколько часов подряд.

— В Пустонь, — сдалась Майя и вздохнула безысходно, усаживаясь рядом.

— Я тоже туда, — покивала понимающе женщина. — Уже второй раз.

И за этим замечанием неизбежно, как лавина, перезревшая на склоне горы, последовало повествование о ее беде и болезнях. Это был уже пятый рассказ о горестях, выслушанный девушкой. Три женщины в поезде, по очереди, а иногда и перебивая друг друга, одна попутчица в автобусе, и вот еще и сейчас...

Майя слушала вполуха, не от холодной бесчувственности, а скорее от некой защитной реакции сознания, уже уставшего себя укорять, ругать и мучиться чувством вины.

Но Майка слушала, как наказание принимала.

Шестой рассказчицей о своем горе-беде стала женщина на катере, рядом с которой Майя устроилась на палубе, усевшись на свою стильную дорожную сумку, не монтирующуюся, как и сама девушка, с этими суровыми местами, стареньким катерочком с облупленной краской в десятки слоев и с этими простыми, истинно страждущими людьми.

Хотя нет, не совсем. Народ как раз здесь собрался разный и из разных краев страны — в основном женщины, мужчин было гораздо меньше. Социальное расслоение имело место и было довольно заметно. Много простых людей невеликого или среднего достатка, есть и позажиточней, Майя заметила несколько женщин, явно дорого упакованных: салон, маникюр, прически, одежда из бутиков. Да и некоторые мужчины точно тянули на бизнесменов средней и повыше руки, по крайней мере, на людей из народа они точно не походили.

Она снова бросила взгляд на мужчину, стоявшего недалеко от нее на носу катера, прикрыла глаза и откинула голову на бортик.

— Ох, я вас заговорила, — спохватилась соседка. — Все про себя тут жалуясь и жалуясь, а у вас наверняка своя беда непростая, коль вы в Пустонь добираетесь. И то правда, отдохните.

Майя не ответила. А что ответишь? Признаваться, что по глупости в Пустонь собралась, по непониманию того, с какими тяжелейшими проблемами люди сюда едут за самой последней надеждой на помощь. И не развернулась, не уехала обратно только потому, что привыкла доводить дело, за которое бралась, до конца! А сбегать сейчас, когда с такими трудностями преодолела весь путь и уже практически добралась до места, стало невозможно. Что ответить?

Нет у нее никакой беды!! И горя тоже нет!! Нет! Дурость есть, как выяснилось, а горя вот нету!

И, постаравшись отгородиться от всего — от шума громко урчащего мотора катера, от гомона людских разговоров, от плеска воды за кормой, от голоса соседки и даже от мужчины, стоявшего на

носу корабля, — она вдруг четко и ясно вспомнила, как и по какой причине оказалась здесь, в Сибири, на задрипанном катерочке, в глухомани Российской державы.

Две недели назад Майя Львовна Веснина, разумная взрослая и даже успешная и деловая девушка тридцати трех лет, рыдая на большой стильной кухне в московской квартире своих родителей, была абсолютно, стопроцентно уверена, что у нее ужасная, непреодолимая проблема!

Просто беда всей жизни!

И вообще все и навсегда теперь с ней плохо!

Еще тринадцать лет назад она заподозрила, что с ней что-то не так, не совсем в порядке, но тогда все посчитали случившееся с Майечкой расшалившимися нервами и стечением неблагоприятных обстоятельств. Но теперь-то она точно убедилась, что никакие это не нервы, а рок. Напасть непонятная! Как там говорят? Проклятие? Или порча? Да боже мой, хоть что!

Может, вот все это самое и проклятие с порчей на пару!

В двадцать лет Майя влюбилась первый раз в своей жизни.

Его звали Игорь Антонов, он был старше ее на пять лет и казался абсолютно прекрасным, самым лучшим мужчиной. По крайней мере, в том, что он лучший и прекрасен, Майя была уверена стопудово первые три месяца.

Они познакомились на Поклонной горе, где катались на роликах — он со своей компанией, она со своей. Стояли рядом в очереди в ларек за шашлыком, и Майя чуть не упала, когда ее неудачно толкнул человек, отходивший от прилавка со своим заказом в руках; она автоматически схвати-

лась за парня, стоявшего рядом, и они чуть не свалились оба. Но устояли, выделявая невозможные кренделя ногами-телами, пытаясь поймать равновесие и держась друг за друга. Посмеялись, пошутили, познакомились на фоне такого прикольного инцидента обе их компании, прокатились вместе до вечера и обменялись телефонами.

На следующий день Игорь позвонил и пригласил в кино. Фильм им обоим не понравился. Они сбежали с половины сеанса и гуляли по Москве, а вечером, когда Игорь проводил ее до дома, целовались на площадке между этажами.

И все-все-все стало прекрасно!

Он звал ее Маёк, имя это ей не нравилось, но она смеялась и летала как на крыльях от восторженной влюбленности. Через три месяца знакомства и одной совместной ночи в загородном пансионате Игорь пригласил ее в гости знакомить с родителями, объявил, что хочет на ней жениться, и сделал предложение, ошарашив и своих родителей, и Майю.

И она неожиданно как-то даже растерялась от такого радикального заявления, что, собственно, не помешало ей ответить согласием. Ну что? Пришлось вести Игоря к своим родителям и уведомлять теперь уже их о намерении молодых пожениваться.

Родня жениха и невесты познакомилась и, вынужденно сплотившись, принялась за подготовку мероприятия, стремительно разраставшегося масштабами по мере составления списков приглашенных гостей с обеих сторон.

А с Майей начало твориться нечто непонятное!

Чем активнее разворачивалась подготовка к свадьбе и чем меньше времени до нее остава-